

ДМИТРИЙ БАЗАНОВ

Принцип обоснования

Дмитрий Базанов

Принцип обоснования

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=27057494

ISBN 9785448587108

Аннотация

В повести приведен один из эпизодов из жизни Института специальных исследований при Академии наук СССР. Все совпадения с реальностью случайны, персонажи являются вымышленными.

Содержание

I	5
II	11
III	13
IV	17
Конец ознакомительного фрагмента.	18

Принцип обоснования

Дмитрий Базанов

© Дмитрий Базанов, 2017

ISBN 978-5-4485-8710-8

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

I

20.06.1982 г., 6.14, ближнее Подмосковье

Ведущий научный сотрудник НИИ «Институт специальных исследований» при Академии наук СССР (а в узких кругах называемого просто «Институт») Сергей Вадимович Трифонов ехал на работу.

Автомобиль ГАЗ-24-24 (или, как его называли знающие люди, «догонялка»), урча форсированным мотором, выскочил из пустых по случаю раннего утра московских улиц, и серебристой стрелой вонзился в свежую утреннюю зелень Подмосковья.

Водитель, вырвавшись из города, еще увеличил скорость, стрелка спидометра заплясала у цифры «150», временами даже ее перепрыгивая, но Трифонов не стал делать ему замечания.

«Парень молодой» – Подумал он. – «Пускай натешится».

Сам Трифонов тоже любил быструю езду, и, удобно устроившись на переднем сиденье служебной «Волги», с удовольствием наблюдал, как исчезают под ее широким, матово поблескивающим капотом километры асфальта.

«Эх, далековато, все таки, от дома. Лишних два часа на дорогу...» – Вскользь подумал он. – «Конспирация... Хотя такую махину разве скроешь? Уж если свинья бывает в курсе того, что знают двое, кому же ведомо то, что знает

тысяча? А в нашем случае – не тысяча, а поболее...»

Форсированная «Волга» между тем свернула с асфальтированной трассы на неприметную «бетонку», зажатую с двух сторон вековым сосновым бором, и пошла тише – качество дороги оставляло желать лучшего.

Трифонов опустил стекло. Свежий утренний воздух, приправленный смолистым ароматом корабельных сосен, не вдыхался – *вливался* в легкие. («А что, пожалуй, и вливался... Вон как прохладно, а плотность газа с падением температуры увеличивается»). Он еще раз порадовался, что вот уже два года, как бросил курить.

Машину заметно тряхнуло – не спасла даже усиленная подвеска.

– На танках тут, что ли, ездили? – Спросил недовольно водитель.

– Может, и на танках. Тут полигон где-то рядом. – Ответил Трифонов. – Не гони, время – вагон.

Деревья неожиданно расступились, и «Волга» выехала на широкую бетонированную площадку, примыкавшую к высокому серому забору, по верху которого густо вилась колючая проволока. Водитель подрулил к коробке контрольно-пропускного пункта возле металлических ворот, на створках которых были выбиты огромные красные звезды – на первый взгляд, типичный въезд в воинскую часть.

– Спасибо, Гриш. Сегодня ты больше не понадобишься. – Трифонов заметил промелькнувшее в глазах водителя удив-

ление. – Я позвоню дня через три. Удачной дороги.

– Спасибо, Сергей Вадимович, до свидания.

«Волга», газанув, лихо развернулась на площадке и скрылась в лесу. Наступила тишина, которую нарушал только шум ветра в освещенных утренним солнцем кронах сосен.

«Нет» – Поправил себя Трифонов. – «Этот шум тишины не нарушает. Он сам – часть ее, *лесной* тишины».

Он с минуту постоял, зажмурившись, глубоко дыша.

«Надо надышаться перед карантином». – Подумал Сергей Вадимович. – «Как минимум, трое суток буду заперт в боксе».

Где-то в чаще гулко закуковала кукушка.

«Ну-ка, проверим, как долго мне еще небо коптить... Сколько ты мне отмеришь, кукушка?»

Но птица внезапно замолкла.

Сергей Вадимович открыл глаза и легко взбежал на невысокое крыльцо бетонного КПП.

Рослый сержант с шевроном дивизии имени Дзержинского козырнул, когда Трифонов предъявил ему свой пропуск, и открыл бронированную дверь, ведущую на охраняемую территорию.

Выйдя, Трифонов кивнул на приветствие командира отделения солдат, в полной боевой выкладке сидевших на лавочках возле КПП, и не спеша направился по петлявшей меж сосен асфальтовой дорожке.

Больше всего территория за забором походила на небреж-

но разбитый парк: как будто кто-то слегка проредил подмосковный лес, да проложил меж могучих сосен неширокие асфальтовые дорожки, расставив на них аккуратно покрашенные бетонные столбики с указателями. Только вместо обычных для парка надписей вроде «танцплощадка» или «аттракционы», на них были непонятные сочетания букв и цифр.

После КПП Трифонов сразу свернул на дорожку с указателем «7Бб», которая скоро привела его к расположенному в глубине парка трехэтажному зданию белого кирпича, внешне похожему на самую обычную школу. На высоком крыльце суетились с десятков молодых людей в штатском, выгружая тяжелые с виду ящики из кузова припаркованного рядом военного грузовика.

В фойе здания у Трифонова вновь проверили документы, на этот раз лейтенант КГБ. Тут же ему предложили выложить на небольшой складной столик все содержимое карманов и профессионально – быстро, но тщательно – обыскали.

– В рот заглядывать будете? – Не удержался Трифонов от шутки.

– Нет, правилами не предусмотрено. – Ответил лейтенант. По его лицу не было понятно, понял ли он шутку, или ответил всерьез. – По коридору идете прямо, спускаетесь в цоколь, третья дверь направо.

– Я помню, спасибо.

В коридорах здания было пустынно, только изредка из-за дверей без табличек слышался стук пишущих маши-

нок, да заливалась где-то вдалеке трель телефонного звонка. Звук шагов глушила толстая ковровая дорожка, расстеленная на полу.

Трифонов по широкой двухпролетной лестнице спустился в цокольный этаж, быстро нашел нужную дверь и отпер ее своим ключом. За дверью оказалась еще одна крутая лестница, тускло освещенная лампочкой, забранной в решетчатый кожух. Пахло подвалом и крезотом.

Лестница привела в очень длинный, широкий, выложенный серой кафельной плиткой коридор, прегражденный у самого своего основания металлической решеткой с прутьями в два пальца толщиной.

– Ваши документы.

На этот раз Трифонова проверял невысокий, но очень крепко сложенный человек в форме без знаков различия, с чехословацким «Скорпионом» на плече. Лишь тщательно сличив физиономию Трифонова с фотографией на его пропуске, охранник отомкнул замок на небольшой дверце в решетчатой ограде, и пропустил его в подzemелье.

Шаги гулко отдавались в слабо освещенном коридоре, который полого уходил все глубже под землю. Где-то вдалеке гудели мощные вентиляторы, и навстречу Трифонову дул прохладный, пахнувший метро ветерок – в помещении создавался постоянный подпор воздуха.

Трифонов вспомнил, как вольно ему дышалось совсем недавно, наверху.

«А ведь это тот же воздух, что и в лесу» – Подумал Трифонов. – «Пять минут назад он вольным ветром играл с верхушками сосен. И вот загнали его в воздуховоды, пропустили через фильтры – и он служит для создания избыточного давления, и вся поэзия в нем умерла...»

Коридор сделал резкий поворот вправо и привел Трифонову в просторное помещение, больше всего напоминавшее уменьшенную в несколько раз копию станции метро: платформа шириной метра три, размещенная меж двух путей; электронные часы над въездами в туннели отсчитывали время от последнего поезда. На необлицованной бетонной стене станции, там, где обычно размещается ее название, висела небольшая фанерная табличка с непонятной надписью «Д-15-2».

– На Москву правый путь сегодня работает. – Сказал Трифонову высокий человек в светоотражающем жилете, надетом поверх камуфляжа. На поясе под жилетом угадывалась массивная кобура. – Расписание прежнее.

Кроме них двоих, на станции не было ни души.

– Спасибо. – Ответил Трифонов.

Ждать ему пришлось недолго. Минуты через три к платформе на небольшой скорости подкатил состав из электровагона и двух обычных на вид вагонов метро. Поезд не поместился на маленькой станции целиком, и половина второго вагона осталась в туннеле.

II

20.06.1982 г., 6.31, ближнее Подмосковье

...Поезд плавно тронулся.

Сперва в вагоне, кроме Трифонова, был только проводник – хмурого вида молодой парень в ярко-оранжевом жилете. Однако на станциях, следовавших с неравными интервалами, высаживались пассажиры, по одному, по двое-трое – в основном военные с немалыми звездами на погонах, но были и люди, как и Трифонов, в штатском, так что скоро практически не осталось сидячих мест.

Окна вагона изнутри были замазаны белой краской – ничего не разглядишь. Названия остановок также не объявлялись, и Трифонов понятия не имел, где он находится. Он знал только расчетное время от пункта «Д-15-2» до места назначения – от сорока девяти до пятидесяти минут. И еще он знал, что едет в Москву.

«Может быть, сейчас проезжаем недалеко от дома» – Подумал он, рассеянно глядя в старательно забеленное окно. – «Аня наверно уже встала, собирает детей в школу...»

Сергей Вадимович глубоко вздохнул.

Раньше он и не подозревал о том, как много людей вот так каждое утро скрываются за глухими заборами разбросанных по всему Подмосковью военных объектов, или в каких-нибудь полузаброшенных на вид ангарах, или даже в зда-

ниях обычных учреждений на территории Москвы, чтобы «всплыть» потом на поверхность в совершенно неожиданном месте.

Сам Трифонов регулярно, каждые несколько месяцев, по указанию первого, «секретного» отдела Института, менял «станции». Например, минувшей осенью садился в «метро» на территории завода «ЗИЛ»; с декабря по март был «прикреплен» к объекту с длинным буквенно-цифровым кодом «28-А-422», скрывавшимся под зданием Института общественных наук при ЦК КПСС, что на Ленинградском проспекте; в апреле Трифонова «перевели» за город, в старую, недействующую воинскую часть Московского округа ПВО.

«Точки входа» были подобраны так, чтобы у того, кто вздумал бы наблюдать за перемещениями служебной «Волги» Трифонова, или завербовать его водителя (который, к слову, сменялся каждый квартал) не возникло бы и мысли о причастности Сергея Вадимовича, прямой или косвенной, к Институту.

Такой «кочевой» образ жизни Трифонов вел уже почти полгода. С того дня, как начал разрабатывать совершенно секретную тему «Воздействие».

Ведущий научный сотрудник прикрыл глаза и постарался немного подремать – сегодня ему предстоял ответственный и нелегкий день...

III

27.12.1981, 14.49, Москва, за полгода до описываемых событий

От того, что могучие, заснеженные, «кремлевские» ели плотно закрывали высокие окна просторного кабинета Директора Института, и без того короткий декабрьский день завершался в нем на полчаса раньше, чем ему следовало.

Трифонов сидел в глубоком, антикварном кресле напротив старинного, накрытого зеленым сукном, необъятных размеров директорского стола (не стол, а целый плац – хоть парады принимай) и терпеливо ждал.

Сам Директор, Белослав Олегович Кузнецов-Гончаров, не торопясь, позвякивая ключиком, заводил огромные, кремлевским же курантам под стать, напольные часы.

За окнами тихо падал новогодний почти, густой и белый, снег.

– Как продвигается ваша тема? – Спросил Директор, не отрываясь от часов. – Молекулярная биология, если не ошибаюсь?

– Да, проблемы синтеза ДНК-полимеразы в теломерах. Шифр «Мафусаил»...

– Так-так... – Кузнецов-Гончаров отвлекся от своего занятия и впервые за все время, пока Трифонов находился в его кабинете, посмотрел на него. – Помню-помню. Конце-

вая недорепликация. Старение организма... И что же, есть успехи?

– Я подготовил отчет, главная проблема...

– Да, это дело дня завтрашнего. Или послезавтрашнего... – Рассеянно глядя в окно на «кремлевские» ели, перебил его Директор. – Значит, «Мафусаил»... И отрет Бог всякую слезу с очей их, и смерти не будет уже; ни плача, ни вопля, ни болезни уже не будет, ибо прежнее прошло... Вы не обращайтесь внимания, Сергей Вадимович, я в свое время отучился в семинарии...

– Да, прежнее еще не прошло, Белослав Олегович. – Ответил Трифонов. – Проблемы у нас, главным образом, технологического характера. По моим оценкам, результата стоит ждать еще лет десять-двенадцать.

– Вы ведь доктор наук, Сергей Вадимович? Член-корреспондент?

– Да.

– У самого Оловникова начинали?

– У него.

– А как вы думаете, может такая организация, как наш Институт, позволить отрывать от актуальных исследований такого сотрудника, как вы, на десять-двенадцать лет?

– Затрудняюсь ответить.

– Не скромничайте, не скромничайте. Все вы знаете, что ответить – что ковыряться в этих теломерах без скорой надежды на успех вам страсть как не хочется. А хочется вам,

наверно, новую, тему, перспективную. Хочется ведь, а?

Кузнецов-Гончаров прошел мимо сидящего Трифонова и сел за свой гигантский стол. Был он невысок ростом, плотен, лысоват. Определить на глаз его возраст не было никакой возможности – Директору можно было с одинаковым успехом дать и шестьдесят лет, и семьдесят. Большие глаза в обрамлении паутины мелких морщинок добродушно смотрели через толстые стекла очков в старинной оправе.

– Итак, Сергей Вадимович, у меня есть, что вам предложить. Шифр «Воздействие». Криптозоология. Ни о чем не говорит? Конечно, не говорит, все строго секретно...

– Криптозоология... – Трифонов наморщил лоб. – Виды, считавшиеся вымершими? Микроорганизмы изо льдов? Пошлете в Антарктиду?

– Холодно, товарищ Трифонов, холодно. – Кузнецов-Гончаров улыбнулся неожиданному каламбуру. – Не гадайте – не угадаете... Учтите, «Воздействие» – тема строго секретная. Так что мне нужно ваше принципиальное согласие на работу с ней, прежде чем я вас с темой ознакомлю.

– Я согласен. – Сказал Трифонов, глядя на зеленое сукно директорского стола...

– Ну что же... – Директор прошел в дальний угол кабинета, зазвенел ключами – на этот раз от сейфа. – Вот вам общие сведения, ознакомьтесь. Подробные материалы получите завтра к утру.

На стол перед Сергеем Вадимовичем легла пухлая папка

с ботиночными тесемками.

IV

Декабрь 1981 г. – январь 1982 г., Москва

Тема «Воздействие» оказалась для Трифонова совершенно новой. Впрочем, новой она была и для Института, так что у Сергея Вадимовича сложилось впечатление, что руководство просто не знает, как к ней подступиться.

В группу, работавшую над новой темой, помимо него, биолога, включили двоих психологов, ботаника, зоолога и историка (к немалому удивлению Трифонова, под эгидой Института велись и исторические изыскания, так что человека «со стороны» брать не пришлось).

Суть темы была такова: с незапамятных времен в бескрайних лесах Евразии и (возможно) Северной Америки обитал симбиотический организм – *aulophyte lignogum*. Обитал он внутри деревьев, каким-то образом (каким – науке доподлинно неизвестно), значительно улучшая всасываемость из почвы минеральных солей. В результате, деревья (чаще всего – лиственные, дубы и ясени, значительно реже – хвойные (тисы), внутри которых проживал организм, вырастали значительно больше своих сородичей, и жили значительно дольше.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.